

Захарова Лидия

**Дневник сестры милосердия
На передовых позициях 1914-1915 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л55

Л55 **Лидия З.**
Дневник сестры милосердия: На передовых позициях 1914-1915 гг. / Захарова Лидия – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 178 с.

ISBN 978-5-519-85898-4

ISBN 978-5-519-85898-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Записки сестры милосердія.

I.

Вечеръ нашего отъѣзда изъ Петрограда выдался теплый, ясный и румяный особымъ немного печальнымъ, но красивымъ румянцемъ послѣднихъ дней отцвѣтающаго лѣта.

Тишина и мягкость безвѣтреннаго воздуха пріятно баюкали нѣсколько взвинченные обстановкой и событіями нервы.

Стоя на перронѣ вокзала, среди санитаровъ, врачей и множества другихъ отъѣзжавшихъ сестеръ, бѣлыя косынки которыхъ трепетали, какъ громадныя бѣлыя бабочки, случайно залетѣвшія подъ закоптѣлую стеклянную крышу вокзала, я глядѣла въ полукруглый просвѣтъ ясной дали, куда убѣгали серебристыя въ лучахъ заходящаго солнца полосы рельсъ, стараясь мысленно себѣ представить то грозное и

зловѣщее, что зовется войной — но не могла этого сдѣлать.

Мѣшало какое то неожиданное, охватившее всѣхъ настроеніе тихаго, почти радостнаго умиленія и отвлекала окружающая, двигающаяся и жужжащая толпа.

Народу все прибавлялось по мѣрѣ того, какъ громадная стрѣлка электрическихъ часовъ, падая съ медлительной неуклонностью рока съ цифры на цифру, приближалась къ минутѣ отправленія.

Прибывали родные, близкіе, знакомые и незнакомые, всѣ съ одинаковой лаской, съ одинаково раскрытой душой.

Въ сторонѣ отъ другихъ обращала на себя вниманіе маленькая трогательная группа: совсѣмъ молоденькая сестра, похожая на институтку въ своемъ строгомъ костюмѣ, держала крѣпко за руки высокаго студента и молча, не отрываясь, смотрѣла въ его глаза страдальческимъ, любящимъ взглядомъ.

Проходившая мимо маленькая сгорбленная старушка на мгновенье пріостановилась и незамѣтно издали перекрестила ихъ мелко и быстро, пряча руку подъ платкомъ.

Потомъ обернулась и конфузливо уронила, ни къ кому въ частности не обращаясь:

— Сынокъ у меня тамъ. Молоденькій. Невѣсту тоже оставилъ...

Плотный господинъ въ золотыхъ очкахъ пожималъ руки направо и налѣво и повторялъ, видимо не находя нужныхъ словъ:

— Будьте счастливы, господа, будьте счастливы.

Подходили и другіе, подавали цвѣты, конфекты, какіе то пакеты и свертки, предназначенные и для насъ и для солдатиковъ.

Матери подводили дѣтей.

— Передайте солдатикамъ, что мы ихъ любимъ, что мы помнимъ ихъ и о нихъ молимся...

Прозвенѣлъ второй звонокъ.

Всѣ зашевелились, слышались отдѣльныя всхлипыванія, звуки поцѣлуевъ. Кое-кто уже вошелъ въ вагоны и черезъ опущенныя окна принималъ подарки и обмѣнивался послѣдними рукопожатіями.

Еще нѣсколько минутъ. Снова короткій ударъ въ колоколъ, свистокъ и, словно нерѣшительно, съ лязгомъ качнулась длинная вереница вагоновъ и поплыла мимо платформы, разомъ расцвѣтившейся множествомъ рѣющихъ платковъ, шапокъ и рукъ, мимо окна телеграфной конторы, красной башни водокачки, все быстрѣе, все дальше отъ тѣхъ, кто оставался, минуя про-

копченые многоэтажные дома предмѣстій города, цѣлые частокоты дымящихся фабричныхъ трубъ, пригородныя кладбища, къ зеленымъ полямъ, къ лѣсамъ и простору, къ нашей послѣдней желанной и страшной цѣли.

Первые полчаса въ вагонѣ промелькнули незамѣтно.

Немного ознакомились другъ съ другомъ, разобрали и разложили загромоздившую сидѣнья поклажу, потомъ занялись чаепитіемъ изъ объемистаго чайника, оказавшагося у одной изъ наиболѣе запасливыхъ сестеръ.

Догорѣли за окнами розовые отблески зари, золотыя мухи паровозныхъ искръ дождемъ полетѣли навстрѣчу, зажглось въ фонаряхъ электричество.

Утомленные пережитыми волненіями, люди стали располагаться на отдыхъ.

Забралась и я на верхній диванъ.

Повсюду въ полумракѣ темнѣли неясныя очертанія свернувшихся человѣческихъ фигуръ въ разныхъ позахъ и положеніяхъ.

Въ одномъ углу еще долго тихонько шептались двѣ молодыя сестры и шуршали конфетными бумажками. Наконецъ, и онѣ затихли, только мѣрное дыханье спящихъ, да успокаива-

ющее, монотонное погромыхиванье поѣзда нарушало тишину. Мнѣ не спалось.

Напрасно я жмурилась, вертѣлась на неудобномъ и узкомъ ложѣ, глаза не хотѣли смыкаться, а возбужденный мозгъ не могъ остановить своей работы и, какъ въ кинематографѣ, мелькали въ воображеніи картины прошлаго, такого недавняго, такъ свѣжаго въ памяти...

Безмятежные дни необыкновеннаго, знойнаго, прямо южнаго лѣта въ небольшомъ курортѣ въ Эстляндіи. Залитый солнцемъ пляжъ, кишачій розовыми или янтарными отъ загара тѣлами множества ребятишекъ. Между ними мои два мальчика, дорогіе и уже далекіе, оставленные на попеченіе матери. Неожиданно ворвавшееся въ мирное существованіе слово—война.

Въ началѣ только слово, не связанное съ понятіемъ.

Первая манифестація въ душную лѣтнюю ночь. Звуки гимна, подхваченные несмѣтной толпой подъ аккомпаниментъ мощнаго рокота моря. И какъ-то сразу послѣ этого телеграмма отъ мужа, призваннаго въ дѣйствующую армію. Общая паника. Какое-то стадное бѣгство. Мой собственный отъѣздъ, съ однимъ стремленіемъ, съ одной мыслью только бы успѣть, только бы не опоздать.

Въ поѣздахъ] творилось что то неопиcуемое. Казалось, все и вся всколыхнулось съ насиженныхъ мѣстъ, всѣ хотѣли ѣхать, плакали, требовали, сердились и умоляли. Осаждали растерявшагося, охрипшаго, едва держащагося на ногахъ начальника станціи.

Росписанья не существовало, поѣзда отходили, когда Богъ на душу положить, по мѣрѣ представляющейся возможности. Никто ничего не зналъ, на вопросы желѣзнодорожные служащіе только безнадежно отмахивались руками.

Когда послѣ долгаго ожиданья и мучительной неизвѣстности былъ, наконецъ, поданъ поѣздъ, всѣ ринулись къ вагонамъ, тѣсня и давя другъ друга, мгновенно были заняты всѣ мѣста не только для сидѣнья, но и для стоянья. Ёхали, держась другъ за друга на площадкахъ вагона, на тендерѣ, говорятъ, даже на крышѣ, подавали въ окна ревущихъ, перепуганныхъ дѣтей и растрепанные пожитки. Слышался плачь, зовъ потерявшихъ въ толпѣ своихъ, истерическіе выкрики женщинъ.

Но я видимо родилась подъ счастливой звѣздой. Какимъ то чудомъ мнѣ удалось проскользнуть въ одинъ изъ вагоновъ третьяго класса, гдѣ мнѣ пришлось, вмѣсто обычныхъ четырехъ, провести цѣлыхъ 12 часовъ, стоя плотно прижатой

къ чьей то спинѣ въ пиджакѣ, на которомъ я успѣла до тонкостей изучить каждую клѣточку и неровность шва, въ невыносимой пыли, духотѣ и жарѣ съ жуткимъ опасеньемъ, что вотъ вотъ станетъ дурно и что тогда...

Однако добрались глубокою ночью. А тамъ—тревожный ночной звонокъ въ квартиру такую непривычную и чужую лѣтомъ, съ мебелью подъ чехлами и покрытыми газетами картинами. Мучительно сладкая встрѣча съ мужемъ, тоже незнакомымъ и новымъ въ военной формѣ. Затѣмъ два промелькнувшіе, какъ въ туманѣ, дня. Тотъ же вокзалъ съ котораго уѣхала и я, та же неумолимо опадающая стрѣлка часовъ... Мимо, мимо.

Послѣ отъѣзда мужа опустѣло и въ квартирѣ и въ сердцѣ. Нужна была энергичная дѣятельность, много хлопотъ, движенія и усталости, чтобы кое-какъ засыпать по ночамъ и хоть на время забываться.

Возвращаться къ дѣтямъ казалось ужаснымъ: старшій спросить о папѣ, а младшій такъ на него похожъ. И я нашла спасенье отъ тоски. Я рѣшила раздѣлить участь того, къ кому рвалась душа въ безсильномъ порывѣ.

Подготовка къ новой дѣятельности, хлопоты, поѣздки къ лицамъ, которыя могли оказать

содѣйствіе въ моемъ предпріятіи, тысяча вынырнувшихъ откуда то дѣлъ, заботъ, обязательствъ, долгая переписка съ матерью, неудачи, отъ которыхъ опускались руки, и удачи, поднимавшія духъ. И заключеніе. Отъѣздъ нынѣшняго вечера. Успокоенное, торжественное и грустное чувство крещенья въ новую жизнь.

Только предъ разсвѣтомъ я ненадолго забылась тревожнымъ и чуткимъ сномъ.

II.

Проснулась я, разбуженная какимъ то не то заунывнымъ пѣніемъ, не то долгимъ тянущимъ воємъ.

Въ вагонѣ было еще не очень свѣтло. За окномъ блѣднѣло предразсвѣтное невеселое небо. Поѣздъ стоялъ на какой то станціи, рядомъ съ другимъ, въ окнахъ котораго мелькали защитныя безкозырки и неуклюже навьюченные фигуры солдатъ. Въ промежуткахъ между вагонами пестрѣла толпа провожавшихъ бабъ, виновницъ страннаго, слышаннаго мною завыванья.

Послѣ томительно долгаго стоянья на одномъ мѣстѣ раздался, наконецъ, повелительный, властный свистокъ, на мгновеніе причитанья усилились, но тутъ же покрылись грянувшей изъ медленно проползавшаго воинскаго поѣзда удамой пѣсней и кликами „ура“, на которые, будто заражаясь налетѣвшимъ настроеніемъ, послышалось среди остающихся:

- прощай, касатикъ!
- счастливо, родной!
- дай Богъ въ часъ добрый!
- храни васъ Господь...

Пронзительно закричалъ завернутый въ лоскутное одѣяльце ребенокъ на рукахъ одной изъ бабъ.

Нашъ поѣздъ тоже тронулся.

Впослѣдствіи подобныя сцены повторялись на всѣхъ остановкахъ, и, постепенно притупляясь, привыкали нервы къ виду чужого страданья, приготавлиаясь къ тому, что ждало впереди.

Ѣхали мы долго, бесконечно долго. Обжились, сдружились другъ съ другомъ, научились не суетиться, не роптать на медлительность и покоряться неизбежному.

Провели не мало пріятныхъ и уютныхъ часовъ вокругъ гостепріимнаго гиганта-чайника хозяйственной сестры Л., слушая неисчерпаемые,

бьющіе живымъ юморомъ рассказы одного изъ врачей Алексѣя Петровича С., успѣвшаго сдѣлаться общимъ любимцемъ и баловнемъ.

Уже приходили къ концу лакомства, предназначенныя для услажденія нашего пути петроградскими знакомыми, уже завяли и свернулись цвѣты, хрупкая жизнь которыхъ охранялась всѣми такъ дружно, бережно и любовно, какъ послѣдняя живая связь съ покинутыми близкими, когда позднимъ вечеромъ достигли мы, наконецъ, мѣста нашего назначенія. Поѣздъ, пыхтя и гремя, подкатилъ къ ярко освѣщенной платформѣ вокзала обычнаго типа средней руки городовъ.

Пока производилась безконечно долгая разгрузка нашего поѣзда, пока спускали съ платформы повозки и фуры съ ярко алѣвшимъ въ свѣтѣ электрическихъ фонарей знакомъ Краснаго Креста, пока разбирали и раскладывали на нихъ ящики съ матеріальною частью и багажъ медицинскаго персонала, мы, слегка вздрагивая, болѣе отъ волненія, чѣмъ отъ легкой ночной прохлады, прохаживались взадъ и впередъ по платформѣ, испытывая благосостояніе оттого, что полъ подъ ногами не качается, что движеніе не связано тѣснотой проходовъ и не слышно навязшаго въ ушахъ равномѣрнаго громоуханья поѣзда.